

Е. В. Рахилина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

Д. А. Рыжова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
daria.ryzhova@mail.ru*

СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ — ОМУЛЕВАЯ БОЧКА... К МИКРО-ИСТОРИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ*

В статье обсуждается процесс семантического развития русского прилагательного *славный* в период с начала XVIII в. и до начала XXI в. На материале НКРЯ определяется набор основных значений слова, сосуществующих и сменяющих друг друга. Показано, что в XVIII веке слово *славный* употребляется преимущественно (по крайней мере, в письменных текстах) в значении ‘известный, прославленный’. Это значение почти полностью устаревает уже к XIX веку, а на базе семантики известности формируется значение сильной положительной оценки. Подобные переходы (‘известный’ => ‘хороший’ как частный случай более общей модели ‘отличающийся от других’ => ‘хороший’) зафиксированы во многих других языках мира. Пик частотности оценочных употреблений слова *славный* приходится на XIX в., а в XX–XXI вв. оно не только реже употребляется в качестве оценочного маркера, но и меняет значение ярко положительной оценки на семантику умеренной, «сниходятельной» похвалы. Этот процесс постепенного выхода из узуса оценочного маркера представляет особый интерес, поскольку он отличается от засвидетельствованных и описанных ранее.

Ключевые слова: лексическая семантика, корпусная лингвистика, микродиахрония, русский язык, оценочная лексика, семантический переход, славный

* Исследование поддержано грантом РФФИ №17-04-00517-ОГН «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка».

1. Введение

Исходным материалом для настоящей работы послужило русское прилагательное *славный* в период с начала XVIII века и по настоящее время, то есть в течение трех веков. С исторической точки зрения, три века — период сравнительно краткий для существенных изменений в лексической семантике¹. Однако *славный* мы выбрали неслучайно: это оценочное прилагательное, а в отношении оценочной лексики особых ожиданий семантической стабильности как раз быть не может. Хорошо известно, что оценочные маркеры по своей природе очень динамичны. Они относятся к пласту эмфатических слов, цикл жизни которых обычно оказывается недолгим: когда в процессе узуса эмоциональный компонент стирается, с ним уходит и яркость оценки, так что языку требуется новое живое и неожиданное слово для этой зоны.

Нас интересует, насколько такой цикл короток: может ли он полностью уложиться в выбранный нами микродиахронический промежуток. Если да, то корпусные наблюдения над лексикой этого класса помогли бы установить перечень возможных источников для оценочного значения и детали возможных микро-семантических сдвигов на пути его формирования.

Для слов и конструкций, формирующих значение количественной оценки признака, — так называемых интенсификаторов — эта задача сейчас обсуждается и решается в целой серии работ (прежде всего, на материале английского языка, но не только), см. [Ito, Tagliamonte 2003], [Aijmer 2011], [McManus 2012], [D'Arcy 2015], а также [Герасимов 2016] и мн. др. На фоне широкого круга исследований, посвященных интенсификаторам, лексике с производным значением качественной оценки уделяется много меньше внимания (ср. для русского языка прежде всего [Кустова 2011], а также наши предварительные исследования [Карпова и др. 2011], [Рыжова 2016]). В частности, пока не изучена пост-финальная стадия жизненного цикла оценочных маркеров: неясно, что происходит со словами, которые перестают употребляться в классическом (положительном или отрицательном) оценочном значении.

Русское прилагательное *славный* кажется нам интересным материалом для обсуждения этих теоретических вопросов: как показывают корпусные исследования по НКРЯ, его семантика заметно менялась в тот короткий период, который мы имеем возможность наблюдать. Наш материал позволяет выдвигать предположения и о семантическом источнике значения положительной оценки у слова *славный* (раздел 2), и о последовательном развитии этого значения (раздел 3). В разделе 4 мы вписываем наши наблюдения в более широкий типологический контекст и в 5–6 соотносим это с возможными направлениями его последующей семантической эволюции. Итоги суммируются в заключении.

¹ Впрочем, выборочные исследования показывают, что по крайней мере для русского языка масштабы внутренней, семантической перестройки лексических единиц в этот период гораздо существеннее, чем мы могли бы ожидать. См., например, [Добрушина, Даниэль 2016], [Живов 1996] и др.

2. XVIII век как исходная точка

Прилагательное *славный* — отыменное, оно образовано от существительного *слава*, и в исходном типе употреблений значит ‘известный, прославленный’. Большинство примеров начала XVIII века касаются прославленности в военном отношении. Классические примеры из текстов — *славные победы, дела или славное оружие*, ср. (1):

(1) *По славной щастливой победе над королем швецким под Полтавою указ дан генералу-фельдмаршалу графу Шереметеву <...>* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]

Это «военное» оценочное значение сохранилось в русском языке до сих пор:

(2) *Ныне это крупнейший порт на западном побережье, о славной истории которого расскажут экспонаты Морского музея, разместившегося в чудом сохранившемся замке XII–XVII вв.* [Владимир Гаков. Во Францию -- на машине времени (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15]

Впрочем, соответствующие контексты существенно сузились. Прежде всего, сужение произошло за счет устаревания предметных и абстрактных имен: в нейтральном контексте мы уже не говорим, как в XVIII веке, *виктория, держава* или *самодержцы*, и поэтому не встречаем эти имена в контексте *славный*. Точно так же, мы уже не используем метонимически вещественное имя *железо* (как материал изготовления) для обозначения оружия (а только для компьютерной техники), и поэтому не говорим, как три века назад, **славное железо*.

Конечно, это не единственная причина сужения употреблений *славный*. Устаевают не только существительные, с которыми оно некогда сочеталось, но постепенно — примерно с середины XIX века и до наших дней — уходит из узуса и само прилагательное (ср. статистику его частотности по данным НКРЯ на Рис. 1), сужая свою семантику и сферу своего применения.

В XVIII веке прилагательное *славный* использовалось значительно шире, чем теперь. В то время была еще очень сильна его семантическая связь с существительным *слава*, которая слабо ощущается современными носителями. *Славный*

Рис. 1. Частотность прилагательного *славный* в разные периоды (с 1800 по 2014 г.)

в XVIII веке — это, прежде всего, ‘известный’. Этим обуславливаются и его особые синтаксические свойства, а именно, наличие у него дополнительных валентностей, вводящих причину славы, см. примеры (3–4), или среду, в которой человек (держава, армия) широко известны (5).

(3) *Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофрский народ, имя ужасное народ гофрский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о баталии Полтавской (1717)]

(4) *Но и се не подобно, ибо воинству российскому дело было не со зверьми, но с людьми, с людьми, умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило.* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулия 27 дня полученной (1720)]

(5) *Которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичем немецким) под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максимум низ кверху обратило.* [А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]

Значение ‘известный, прославленный’ в XVIII веке не ограничивается, как в наши дни, только военными контекстами. Встречаются и совершенно «гражданские» употребления слова *славный*, см. пример (6), для которых также характерно наличие у прилагательного дополнительных валентностей (7).

(6) *О пропорциональной твердости тел славный французский физик Мариотт также некоторые опыты учинил и нашел, что <...>* [М. В. Ломоносов. Продолжение о твердости разных тел (перевод) 1741]

(7) *<...> тако ж Латинское слово некоего славнаго в языке том автора, перевестъ на Русское <...>* [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)]

Как и современное нейтральное прилагательное *известный*, слово *славный* в XVIII веке не во всех контекстах предполагает положительную оценку и не всегда свидетельствует о мощи и величии объекта, наделяемого этим свойством. Это хорошо показывают примеры (8–9), где прилагательное *славный* применяется по отношению к карточному игроку и вору, т. е. употребляется в значении ‘хорошо известный’, но не *‘известный как выдающийся / великий’.

(8) *Она часто езжала в дом одного славнаго тогдашнего карточного игрока.* [Д. И. Фонвизин. 1798]

(9) *Был славный вор в Москве.* [«Петр I и вор» (1754)]

Уже к концу XIX века сфера употребления прилагательного *славный* в значении ‘известный, прославленный’ очень сильно сужается. К XXI веку отголоском этого значения остаются преимущественно «военные» контексты, причем, как мы уже говорили, их круг весьма ограничен по сравнению с XVIII веком и в основном сводится к набору клишированных сочетаний, ср. *славные победы, славная история, славный город*. Дополнительные валентности причины и места распространения славы тоже оказываются почти полностью утрачены. В НКРЯ есть ряд примеров употребления прилагательного *славный* в конструкциях с дополнительными

валентностями, датированных второй половиной XX и даже началом XXI века, однако все они ощущаются как стилизованные, умышленно архаизированные, ср. (10). Между тем, в современном русском языке эти валентности характерны для прилагательных *известный*, *знаменитый*, выражающих на синхронном уровне значение, очень близкое тому, которое почти утратило слово *славный*, ср. *широко известный в узких кругах*, а также пример (11).

(10) *А в замке том обитал рыцарь, славный своими подвигами.* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]

(11) *Коктебель — “Край голубых вершин”, одно из самых примечательных мест Крыма — он знаменит чудесным пляжем, чистейшим воздухом и морем, обилием развлечений и прекрасными винами.* [Туризм по России (2003)]

Засвидетельствовано в корпусе и другое семантически близкое к исходному значение слова *славный*, в современном узусе полностью отсутствующее: ‘именитый, высокопоставленный’ (о людях, занимающих высокое положение в обществе, ср. пример 12). Это значение зафиксировано в Словаре русского языка XI–XVII веков, но уже в толковом словаре В. И. Даля оно отсутствует. Можно предположить, что в начале XIX века эту функцию берет на себя прилагательное *знатный*, по своей исходной семантике и направлению исторического развития очень близкое слову *славный* (см. [Скоринкин 2016]).

(12) *Фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славныя и великия дома.* [[Петр I]. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах (1714)]

Таким образом, в XVIII веке хорошо засвидетельствованы значения, связанные с идеей известности и впоследствии в большинстве утраченные русским языком. Вместо них и на их семантической базе *славный* развивает новый кластер значений — оценочных.

3. Развитие оценочного значения

По-видимому, уже в XVIII веке у слова *славный* было ещё одно значение: ‘хороший, отличный’, т. е. значение положительной оценки, никак прямо не связанной с идеей известности. В текстах единичные примеры этих употреблений начинают появляться со второй половины XVIII века (см. пример 13), а к середине XIX века они оказываются чрезвычайно распространены.

(13) *Роксолан был весьма сему рад, ибо он имел у себя славного богатырского коня, на котором сам не мог ездить и который остался ему после отца его; итак, просил он Силослава выйти с ним на несколько расстояния от города, где обещал служить ему тем, чего он от него требует.* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

В то же время, даже полное отсутствие следов этого значения в корпусных примерах первой половины XVIII века не позволяет утверждать, что на тот момент оно действительно не существовало, а возникло позже, к середине XVIII века. По меньшей мере два обстоятельства свидетельствуют об обратном.

Во-первых, это значение приводится в словаре русского языка XI–XVII веков и иллюстрируется, в частности, примером (14). В нем прилагательное *славный* модифицирует существительное *одежа*, которое не связано явным образом ни с военной тематикой, ни с социальным статусом обладателя одежд; судя по контексту, нет никаких оснований предполагать и то, что сама одежда была чем-нибудь знаменита.

(14) *Одѣвъся въ одежю свѣтлы и славну.* (Ж.Феодос.Нест.) Усп. сб., 84. XII–XIII вв.

Во-вторых, первые примеры употребления прилагательного *славный* в оценочном значении появляются в текстах более разговорных жанров, чем те, с которыми мы сталкиваемся в корпусе, — это тоже заставляет предположить, что в разговорном языке такое значение, возможно, существовало и ранее. Такая гипотеза поддерживается исследованиями семантически близкого к прилагательному *славный* слова *знатный* (см. [Скоринкин 2016]), первые употребления которого в значении положительной оценки приходится на тот же самый период, т. е. на рубеж XVIII–XIX веков. При этом в большинстве случаев *знатный* в этом значении встречается в конструкциях с прямой речью. Ясно, что такие употребления проникли в корпус из разговорного языка, и мы не можем сказать достоверно, насколько долго это значение просуществовало в устном дискурсе, прежде чем оно было впервые отражено в вошедших в корпус письменных текстах. Тот факт, что примеры оценочных употреблений прилагательных *славный* и *знатный*, согласно корпусным данным, появляются практически одновременно и в текстах близкой жанровой принадлежности, может свидетельствовать в большей степени об изменениях в составе корпуса, чем о семантической эволюции соответствующих слов: корпус начинает отражать не только письменный, но и, в той или иной степени, разговорный язык.

Итак, мы не можем достоверно установить момент формирования у прилагательного *славный* значения положительной оценки — но мы можем уверенно утверждать, что оценочное значение для него не может быть исходным. Оно — естественный этап семантического развития очень прозрачного по своей внутренней форме отыменного прилагательного *славный* — процесса его квази-грамматикализации, то есть превращения из полнозначной лексемы в лексический маркер со значением из грамматического набора, в который входит оценка. Этот процесс нам очень интересен с теоретической точки зрения, мы рассмотрим его подробнее.

Согласно корпусным данным (см. диаграмму на Рис. 2), расцвет оценочных употреблений прилагательного *славный* приходится на XIX век, ср. характерные примеры (15–16)²:

(15) *Между этими норами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо.* [А.С. Грибоедов. [Путевые письма С.Н. Бегичеву] (1819)]

(16) *У него нашел я отличный прием, славный ужин и мягкую чистую постель.* [Ф.Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]

² Отдельно отметим, что в большинстве примеров из текстов XX–XXI вв. *славный* обозначает оценку особого типа, о которой пойдет речь ниже, в разделе 6.

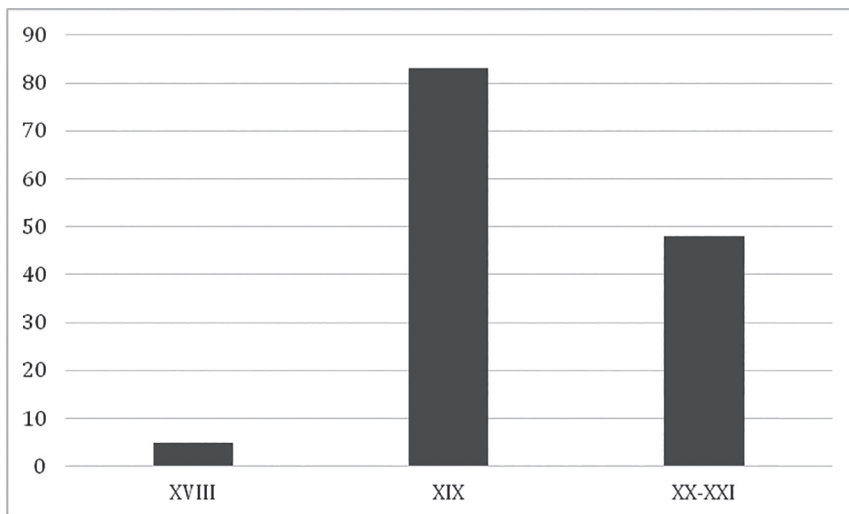

Рис. 2. Соотношение оценочных употреблений прилагательного *славный* (по выборкам из 100 случайных примеров, датированных XVIII–XXI вв.)

Действительно, ни *славный повар*, ни *славный ужин* не подразумевают известности, данные сочетания выражают только функциональную положительную оценку ('повар, который хорошо готовит' / 'вкусный ужин'). Такие употребления начинают постепенно вытеснять исходное значение. Так, в текстах середины — конца XIX века *славные дни* — это погода, пригодная для гуляний, как в (17), а не дни ратных подвигов, как это было ещё в начале века (ср. пример 18).

(17) *Утром все дни ничего не делал и чувствую себя отлично, по причине славных дней и ходьбы пешком.* [А. В. Дружинин. Дневник (1845)]

(18) *Но никогда, никогда не вздумают люди, чтобы кратковременное торжество некоторых политических бродяг и мечтателей могло быть в мире знаком вечного уничтожения добродетели и патриотизма, которые одушевляли славные дни Греции и Рима.* [[Н. М. Карамзин]. Политика // «Вестник Европы», 1802]

Важен и «градус» оценки, выражаемой словом *славный* в этот временной период: корпус прямо указывает, что это оценка высокой степени, т. е. ярко положительная. В этом отношении показателен пример середины века (19а):

(19а) *Славная у тебя лошадь!* — говорил Азамат. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

С точки зрения сегодняшней нормы такое предложение (если мы сочтем его приемлемым) будет интерпретироваться как 'неплохая у тебя лошадь', то есть выражать спокойную, вежливую положительную характеристику лошади. Однако с точки зрения нормы XIX века понимать это сочетание нужно совершенно иначе — и об этом свидетельствует продолжение реплики (19а):

(19б) *...если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

В современном русском языке такое продолжение было бы невозможно, потому что сейчас оценка *славный* много слабее (см. подробнее раздел 6 ниже). В диакроническом же варианте семантики *славный* она соответствует *высшей* похвале функциональным свойствам объекта (лошадь у Казбича и быстрая, и красивая, и умная...) и примерно равна современным *Ну и лошадь у тебя, Казбич! / Вот это лошадь! / Отличная у тебя лошадь!* Так же нужно понимать и «переводить» и примеры про погоду, ужин и повара.

По-видимому, в XIX веке оценочное значение слова *славный* проникает в литературный язык, и некоторое время относительно нейтральное ‘известный’ и ярко положительное ‘отличный’ сосуществуют. Как кажется, именно эта языковая ситуация отражается в словах популярной старинной арестантской песни «Славное море, священный Байкал». Считается, что она была написана поэтом-любителем, учителем Дмитрием Давыдовым и опубликована в 1858 году — когда, как мы видели, оценочное значение *славный* уже достаточно развилось, но еще не полностью одержало победу. Поэтому в первых, самых известных строках этого текста сосуществуют оба значения: под *славное море* имеется в виду ‘знаменитый’, ‘всем известный’ *Байкал*, огромный, как море. Автор почтительно называет его *священным*. По отношению к Байкалу как к природному объекту — такому же, как небо, или океан, или звезды — вряд ли вообще применима какая бы то ни было (и в том числе положительная) оценка. Напротив, *корабль* — артефакт, а артефакты имеют сильную функциональную составляющую, которая превалирует в их значении и легко попадает в сферу действия оценки субъекта. Наш субъект — беглец, он плывет через Байкал и хвалит свой «корабль» — *омулевую бочку*, которую он для этого приспособил. Никакой идеи известности в *славный корабль* нет и не может быть: речь идет о тайном побеге с каторги и плывет в этой бочке беглец совершенно один, надеясь на лучшие качества своего импровизированного судна и воспевая его. Так что если «перевести» на современный русский, получится, что сейчас он спел бы что-то вроде: «Отличный / классный / крутой у меня корабль: омулевая бочка».

Итак — знаменитое море, и по нему плывет прекрасный корабль. Выражены эти два смысла одним и тем же прилагательным *славный*, которое выступает в разных значениях: оценочном и нет. Они последовательно возникают, сосуществуют, конкурируют, оценочное со временем «выигрывает», но независимо от этого оба спустя век уходят из языка и сейчас полностью устарели. Однако развиваясь, они шли по типологически уже известному пути, который мы обсудим в следующем разделе.

4. Типологический фон

Модель формирования значения положительной оценки на базе семантики известности для слова *славный* не уникальна. Слова с исходным значением ‘известный, знаменитый’ становятся источниками новой оценочной лексики и в других языках. Так, французское слово *fameux* ‘известный’ может быть использовано для выражения высшей степени восхищения (ср. *une robe fameuse* ‘превосходное

платье’). Такая же модель полисемии характерна для английского слова *famous* (*a famous performance* ‘превосходное выступление’).

По-видимому, модель ‘известный, знаменитый’ => ‘очень хороший’ представляет собой частный случай более общей схемы ‘заметный, отличающийся от других’ => ‘очень хороший’. Именно слова, в исходной семантике которых присутствует идея выделения объекта из общего ряда, по нашим предварительным данным, становятся главным источником оценочных маркеров во многих языках, ср.:

- ‘стоящий в стороне, выдающийся вверх или вперед’: сербск. *изванredan* (‘из ряда вон выходящий’), англ. *outstanding*, русск. *выдающийся*
- ‘блестящий’: нем. *glänzend*, франц. *brillant, splendide*
- ‘другой’: русск. *отличный*, белорусск. *адменны*, укр. *відмінний* и мн. др., подробнее см. [Рыжова 2016].

Примеры подобного развития (хотя, скорее всего, калькированного) встречаются и в русском языке, ср. уже обсуждавшееся выше прилагательное *знатный* (ср. *знатный между учеными людьми* => *знатные цы*).

Замечательно, что эту же модель искусственно воспроизводят И. Ильф и Е. Петров в своем романе «Двенадцать стульев»: Эллочка Людоедочка использует в качестве маркера положительной оценки признаковое слово *знаменитый*, которое в литературном русском языке в такой функции не употребляется. Авторы вступили в зону языковой игры и сочинили для этой лексемы семантику, которая в русском никогда не реализовывалась:

(20) *Эллочка насторожилась.*

— *У меня как раз знакомый дипломат приехал из Вены и привез в подарок. Забавная вещь.*

— *Должно быть, знаменито, — заинтересовалась Эллочка.*

— *Ого! Хо-хо! Давайте обменяемся. Вы мне стул, а я вам ситечко. Хотите?*

Наш следующий вопрос — что должно прийти и что приходит на смену семантике оценочного маркера для лексем *славный*.

5. Количественная оценка

Дальнейшее развитие оценочных значений изучено сравнительно мало. Известно, что слова с семантикой оценки склонны переходить в класс интенсификаторов. В большей степени это характерно для маркеров отрицательной оценки (см. [Jing-Schmidt 2007], [Герасимов 2016]). Однако и положительно окрашенным словам такая модель не чужда. Так, например, в словаре [Heine, Kuteva 2002] в качестве возможных лексических значений-источников для грамматической семантики интенсивности, помимо негативного ‘bad’, приводится положительное ‘true’ (ср. также русск. *хороший мальчик* => *хорошая взбучка*).

Засвидетельствованы, однако, и случаи переходов в обратном направлении: от значения интенсивности к семантике качественной оценки. По-видимому, именно по этой схеме развивается русское прилагательное *знатный*, которое

встречается в роли слова-усилителя уже в XVIII веке, в то время как его употребление в качестве маркера положительной оценки проникают в тексты значительно позже (см. [Скоринкин 2016]). В ряде случаев очередность возникновения значений количественной и качественной оценки установить затруднительно, а во многих контекстах идея количественной оценки совершенно неотделима от качественной: так, например, *фантастический успех* — это и большой успех, и очень хороший, а *ужасная жара* — и очень интенсивная, и крайне неприятная. Все это позволяет предположить, что зоны интенсификации и положительной / отрицательной оценки смежны (и, по-видимому, связаны между собой метонимическими отношениями). К ним же примыкают значения большого количества (ср. *хорошая сумма денег*) и большого размера (*хороший кусок пирога*).

В условиях такой тесной связи между оценочными значениями разной природы особенно удивительно то, что слово *славный* не развивает семантику интенсивности, большого количества или большого размера. Если говорить точнее, то в корпусе встречаются единичные примеры с наречием *славно*, в которых оно может быть интерпретировано как маркер высокой степени (ср. 21), или с прилагательным *славный*, выражающим семантику значительного количества (22).

(21) *Сколько я ни просил жандарма, он печку все-таки закрыл. Мне становилось не по себе, в голове кружилось, я хотел встать и постучать солдату; действительно встал, но этим и оканчивается все, что я помню...*

...Когда я пришел в себя, я лежал на полу, голову ломило страшно. Высокий, седой жандарм стоял, сложив руки, и смотрел на меня бессмысленно внимательно <...>.

— *Славно угорели, ваше благородие, — сказал он, видя, что я очнулся.* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть вторая. Тюрьма и ссылка (1854–1858)]

(22) — *Если б этот овраг был мой, то я отдал бы его на аренду гайдамакам и собирал бы с него славный доход.* [О. М. Сомов. Гайдамак (1825)]

Однако таких примеров крайне мало, и соответствующие значения не фиксируются словарями. У прилагательного *славный* другой путь, о котором мы поговорим в следующем разделе.

6. Бесславный *славный*

Формирование значений интенсивности, большого размера и большого количества свидетельствует о том, что слово остается на пике языковой моды: оно достаточно яркое и может использоваться для выполнения разного рода экспрессивных функций. Однако что происходит со словом после того, как оно достигает конечной точки грамматикализации, будь то переход в класс интенсификаторов или формирование значения положительной или отрицательной оценки, установить сложнее: выходя из моды, слово резко теряет частотность.

Некоторые маркеры оценки, по-видимому, просто устаревают и перестают употребляться совсем, ср. русск. *дивный*, *чудный*. Другой сценарий — это спецификация оценочного значения. Самые известные примеры — это переходы

прилагательных с семантикой общей положительной или отрицательной оценки в слова, обозначающие те или иные качества человека. В русском языке по этой схеме развивались прилагательные *добрый*, *злой* и *худой*. Известно, что каждое из них в некоторый момент своей семантической эволюции использовалось в качестве оценочного маркера с очень широкой сочетаемостью, ср. примеры (23–24), датированные XVIII веком:

(23) *Ежели из Шимахи в Низовую когда едут, то надлежит конвой доброй с оными купцами российскими ехать, дабы те товары которых в Персии куплены, в целости без утраты в Российское государство привезли.* [Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского (1716–1718)]

(24) *Тожде ясно видим и в неких христовых притчах: о худом домостроителе, о злых винограда делателех, о лукавом рабе, сокрывшем талант господина своего.* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово в день Святого Благоверного князя Александра Невского (1718)]

Постепенно эти слова утратили возможность употребления в значении функциональной оценки, однако не устарели полностью. Вместо этого прилагательные *добрый* и *злой* зафиксировали за собой обозначение определенных душевных качеств человека, а прилагательное *худой* — его внешнего вида (ср. также устаревший глагол *раздобреть* в значении ‘растолстеть’). Такой механизм спецификации значения типологически релевантен. В частности, переход ‘хороший’ => ‘добрый’ зафиксирован в сербском, французском, немецком, испанском, итальянском, коми и многих других языках (см. также Каталог семантических переходов Анны А. Зализняк, где это сдвиг представлен).

У прилагательного *славный* другой путь, аналогов которому мы пока не знаем: вероятнее всего, не потому, что их нет, а потому что никто пока не занимался их целенаправленным поиском.

Помимо остаточных употреблений в «военном» значении, о которых мы уже говорили выше, в XX–XXI вв. встречаются примеры использования слова *славный* в качестве средства выражения положительной оценки, однако ее «градус» снижается: она уже не ярко положительная, а умеренная, «снисходительная». Это семантическое изменение очень тонкое, и в толковых словарях оно не находит отражения. Однако анализ примеров из корпуса позволяет его выявить. Формально оно проявляется в изменении сочетаемости прилагательного *славный* в текстах, датированных XX–XXI веками. В этот период оно модифицирует в основном существительные, обозначающие животных, детей и подростков (25); просторечные, иногда грубые именованья взрослых людей, как в (26–27), ср. также *славный малый*, а также существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами (28) — т. е. разного рода *сниженные номинации*. Аналогично употребляется и наречие *славно* (см. 29).

(25) *Из калитки вышла хозяйка, прикрикнула, и только тогда черная собака умолкла. — Какой славный песик, — сказала мама. — Не укусит?* [Олег Тихомиров. Кутя, домой!.. // «Мурзилка», 2002]

(26) *Оказывается / она славная старушенция!* [Дон Хосе, Игорь Дмитриев, муж, 62, 1927]

(27) *Славная тетка. На такой собачьей должности находится, а сердце доброе.* [1976]

(28) *И тогда присутствующие с облегчением поймут, что банкет не подорвет благосостояния торгового дома «Евтушенко и сыновья», ибо шпроты с задранными хвостами, плавающие в желто-зеленом машинном масле, колбаса из нутрии и прочие разносолы доставлены бесплатно премудрой женщиной из ресторана «Окунь», и никому, кроме государства, ничего не стоили, равно как и славное вино в оплетенных бутылках, присланное благодарной Грузией, чьих звонких сынов Женя перепирует на язык родных осин.* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1983)]

(29) *Пианино славно бренчало всё одну и ту же мелодию, но с разных боков, музыкально довольно интересно, слегка дурманно, и неохота было вставать.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

Вместе с общим понижением «градуса» оценки сфера применения оценочной характеристики, обозначаемой словом *славный*, смещается с функциональных свойств объекта (ср. *славный повар* как отлично выполняющий свои функции в разделе 3) на его внешний вид, ср. (30–31):

(30) *Никакой ты не Муми-тролль! У Муми-тролля такие славные ушки! А у тебя!* [Аида Зябликова и др. Муми-тролль, м/ф (1978–1983)]

(31) — *И какой славный здоровый ребенок. Не то что наша щепка. — Не хватало еще, чтобы он стал такой же круглый, — шепотом возмутился папа.* [Владислав Крапивин. Болтик (1976)]

Все сказанное свидетельствует о новом семантическом статусе оценочных употреблений *славный*, то есть о новом семантическом сдвиге в его значении, произошедшем в XX веке, который требует фиксации в словаре и типологического осмысления.

7. Заключение

Итак, мы рассмотрели историю семантического развития русского прилагательного *славный* на материале представленных в НКРЯ текстов XVIII–XXI веков и обнаружили, что процесс семантических изменений этой лексемы довольно быстрый, и он хорошо документирован в НКРЯ. Видно, что этот процесс распадается на две части. Первая его часть — путь от значения ‘известный, знаменитый, прославленный’ к семантике экспрессивной положительной оценки, известный теоретикам как процесс грамматикализации. Он полностью соответствует имеющимся представлениям о стратегиях перехода полнозначных слов в маркеры положительной оценки и, как мы показали в разделе 4, воспроизводит достаточно распространенную модель такого перехода. Мы не можем точно указать момент преобразования прилагательного *славный* в оценочный маркер, мы можем только сказать, что это был очень длительный процесс, начавшийся заведомо раньше XVIII века (который служил для нас в этой работе своего рода исторической «точкой отсчета»).

Что можно сказать уверенно — это что семантическим источником грамматикализации служит существительное *слава* и производное от него прилагательное, и что XIX век представляет пик этого процесса, после которого он идет на спад и переходит в свою вторую фазу — пост-грамматикализации.

Опираясь на наши знания о принципах изменения оценочных значений, на этом этапе семантического развития *славный* можно было бы ожидать его расширения и превращения в интенсификатор — и тогда сейчас мы говорили бы что-то вроде *вчера разразилась славная гроза*, как говорим: *разразилась страшная гроза* или, например: *он славно испугался*, а не: *не на шутку / очень испугался*. Другой возможный вариант развития — наоборот, сужение значения *славный*, которое в таком случае могло превратиться в имя какого-то человеческого качества — скажем, ‘веселый’ или ‘упитанный’ — по аналогии с тем, как это произошло с *добрым* или *худым*.

В реальности мы наблюдаем нечто третье: формирование значения, которое мы условно назвали значением сниженной оценки или снисходительной похвалой. Неясно, можно ли его рассматривать как промежуточный этап на пути к сужению значения или как формирование особой оценочной семантики. И первое, и второе решение требуют поиска типологических аналогов соответствующего перехода — и, соответственно, дальнейших исследований в этом направлении.

Литература

Герасимов Д. В. Интенсификатор *до ужаса* в русском языке на пути грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. № 1 (XII). С. 336–363.

Добрушина Н. Р., М. А. Даниэль (ред.). Два века в двадцати словах. Москва: Издательский Дом ВШЭ, 2016. 456 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов, Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Карпова О. С., Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // А. Е. Кибрик (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10. М.: РГГУ, 2011. С. 292–304.

Кустова Г. И. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Материалы конференции “Проблемы лексико-семантической типологии (ВГУ, 8–9 октября 2010 г.)”, Воронеж: Издательство ВГУ. 2011. С. 246–253.

Рыжова Д. А. Фантастическая конференция, чудовищный доклад: формирование оценочных значений на базе русской признаковой лексики // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 178–192.

Скоринкин Д. А. Знатный // Добрушина Н. Р., М. А. Даниэль (ред.). Два века в двадцати словах. Издательский Дом ВШЭ, 2016. С. 13–37.

Aijmer K. Are you totally spy? A new intensifier in presentday American English // S. Hancil (Ed.), Le Havre: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2011. P. 155–172.

D'Arcy A. Stability, stasis and change // *Diachronica*. 2015. V. 4 (32). P. 449–493.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization / B. Heine, T. Kuteva, Cambridge University Press, 2002. 390 p.

Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers // *Language in Society*. 2003. V. 2 (32). P. 257–279.

Jing-Schmidt, Zh. Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers // *Cognitive Linguistics* 18, 3, 2007. P. 417–443.

McManus J. English degree modifiers : a diachronic corpus-based study of the maximizer class. PhD thesis, University of Liverpool, 2012.

Ekaterina (Vladimirovna) Rakhilina

National Research University Higher School of Economics

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

Daria (Aleksandrovna) Ryzhova

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

daria.ryzhova@mail.ru

MICROHISTORY OF SEMANTIC SHIFTS: THE CASE OF THE RUSSIAN ADJECTIVE *SLAVNYJ*

The paper proposes a corpus analysis of a Russian adjective *slavnyj*. Its semantic evolution is analyzed through its distribution in XVIII–XXI centuries texts, including the main types of its usages, its main meanings, and possible shifts from one meaning to another. It is shown that the initial semantics of ‘being famous’ that the adjective *slavnyj* expresses up to the beginning of the XIX century gives rise to the idea of strong positive evaluation. *Slavnyj* is very frequent as a positive marker during the XIX century, and then it gradually loses its intrinsic expressiveness. Nowadays, this adjective became much less frequent, having undergone a peculiar meaning shift: it marks a moderate compliment. While the grammaticalization pattern of *slavnyj* represents a well known shift ‘famous’ => ‘good’ (as a specific case of a more general pattern ‘differing from the others’ => ‘good’) widely attested crosslinguistically, the further stage of the semantic evolution of the word *slavnyj* appears to be more exotic.

Keywords: lexical semantics, corpus linguistics, microhistory, Russian, evaluation, semantic shift, *slavnyj*.

References

Aijmer K. Are you totally spy? A new intensifier in presentday American English // S. Hancil (Ed.), Le Havre: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2011. P. 155–172.

D'Arcy A. Stability, stasis and change // *Diachronica*. 2015. V. 4 (32). P. 449–493.

Dobrushina N. R., M. A. Daniel' (Eds.). *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: Izdatel'skii Dom VShE [HSE Publishing House], 2016. 456 p. (In Russ.)

Gerasimov D. V. [Russian degree modifier *do uzhasa* on the grammaticalization path]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticeskikh issledovanii*. 2016. no. 1 (XII). pp. 336–363. (In Russ.)

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization* / B. Heine, T. Kuteva, Cambridge University Press, 2002. 390 p.

Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers // *Language in Society*. 2003. V. 2 (32). P. 257–279.

Jing-Schmidt, Zh. Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers // *Cognitive Linguistics* 18, 3, 2007. P. 417–443.

Karpova O. S., E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova. [Meaning of estimation in semantic shifts of the rebranding type in adjectives and adverbs (on the material of the Database of semantic shifts in Russian adjectives and adverbs)] // A. E. Kibrik (Ed.). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. [Proc. “Computational linguistics and intellectual technologies”]. Vol. 10. Moscow: RSUH Publ., 2011. pp. 292–304. (In Russ.)

Kustova G. I. [Evaluation as a universal category and types of adjectival evaluative meanings] // *Materialy konferentsii “Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii”* [Proc. “Problems of lexical semantic typology”], Voronezh: VGU Publ., 2011. pp. 246–253. (In Russ.)

McManus J. English degree modifiers : a diachronic corpus-based study of the maximizer class. PhD thesis, University of Liverpool, 2012.

Ryzhova D. A. [*Fantasticheskaja konferentsija, chudovish'nyj doklad*: derived polarity meanings of Russian adjectives] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2016. no. 4. pp. 178–192. (In Russ.)

Skorinkin D. A. [*Znatnyj*] // Dobrushina N. R., M. A. Daniel' (Eds.). *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: Izdatel'skii Dom VShE [HSE Publishing House], 2016. pp. 13–37. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia of the XVIII century]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» [School “Languages of Russian Culture”], 1996. 591 p. (In Russ.)